

СПЯЩИЕ ГЕРОИ МГЕР И МАРКО

(Армяно-сербская эпическая параллель)

РАДОВАН ТОМАШЕВИЧ

(Республика Сербия, г. Белград)

В первые дни февраля 1990 года в Белграде, в Национальной библиотеке, состоялось собрание, на котором было учреждено Общество сербско-армянской дружбы. Хотя автор этих строк не был участником этого собрания, однако в своей статье, опубликованной в газете “Борба“, приветствовал это событие как долгожданное и перспективное¹.

Времена были тяжелые. Мрачные тучи предстоящих трагических событий сгустились над Сербией. И в качестве эпиграфа к упомянутой статье молитва Месропа Маштоца – “Добрый кормчий, ты оборони меня!”² была очень кстати. Правда, здесь больше бы подошло местоимение во множественном числе, так как в ту пору похожие тучи сгушались и над Арменией!

В вышеуказанной статье указывалось на большое сходство между двумя народами, на их схожие исторические судьбы, на героическую борьбу за свободу и самостоятельность, на родственность их народных культур и традиций, взаимные этнические симпатии, которые существовали веками, можно сказать – издревле, а также на современные политические угрозы, очень схожие, как в Косово, так и в Нагорном Карабахе.

Упоминался и геноцид, которому армяне подверглись в ходе Первой мировой войны со стороны турецкого государства. Здесь также существовала параллель, но на нее не указывали. О геноциде сербов в ходе Второй мировой войны мы еще хранили молчание, в

¹ **Радован Томашевић**, *Трагично осећање света, НЕДЕЉНА БОРБА, 10-11. фебруар 1990, с. 6.*

² *У преводу са руског, епитаф је у целини гласио:*

*„Море живота обрушава се на мене,
Непријатељ таласе подиже на мене,
Добри кормилару, ти одбрани мене!“*

Оригинал цитаты (Поэзия народов СССР, М., 1978, с. 12.) гласи:

*„Море жизни всегда обурекает меня,
Воздвигает враг валы на меня,
Добрый кормчий, ты оборони меня!“*

надежде, что эта рана заживет. Молчание Запада об этом геноциде и Европы – в первую очередь, продолжается и до сих пор.

Но главную сербско-армянскую параллель, к которой тогда было привлечено внимание югославских читателей, представляют собой легендарные национальные герои двух народов – серб Королевич Марко и армянин Мгер Младший. Они настолько похожи друг на друга, что иногда создается впечатление, что речь идет об одном и том же персонаже. Эта параллель нам открылась, можно сказать, случайно, примерно пятнадцать лет назад.

В Белградской Национальной библиотеке, во флигеле, существовал тогда русский книжный магазин, в котором мы за небольшие деньги приобретали драгоценные книги. И вот однажды попал нам в руки двухтомник “Героический эпос народов СССР”. Был у нас обычай листать книги „наоборот“, от конца к началу. В данном случае – от конца второго тома. В содержании, между прочим, значилось: “Давид Сасунский. Армянский народный эпос”. А через пару страниц, в примечаниях А. Петросяна, в маленькой статье об армянском эпосе мы встретились с такими удивительными словами: “Четвертая ветвь эпоса посвящена борьбе и страданиям Мгера Младшего... По примеру своих предков, он не щадил себя, защищая народ от всевозможных бед и притеснений. Мгер спас целый город от наводнения, преградив огромными утесами путь воде; сражался со свитой бога, допустившего зло и несправедливость на земле. Но не было конца его страданиям, и все труднее становилась его борьба. Изнемогая, Мгер пошел к могиле предков просить совета и помощи. Голос Давида откликнулся на его стенания. Отец посоветовал сыну уйти в скалу Агравикар (Вороний камень) и ждать своего часа. Мгер отправился к скале Агравикар, ударил ее мечом и вошел в расщелину, как был, – на легендарном коне и в дедовских доспехах. Народное предание гласит, что бессмертный Мгер выйдет из своего заточения, когда придет долгожданное время...”³. “Благий боже, ведь это наш Королевич Марко!” – непроизвольно воскликнули мы. Чудо чудное! – скажут народные сербские, вообще славянские песни. – Чудо чудное, диво дивное!

Но чтобы и армянский читатель понял, что это за диво, мы должны привести хотя бы маленький отрывок из „Српскога рјечника“ Вука Стефановича Караджича. Речь идет о первом сербском

³ Героический эпос народов СССР, т. II, М., 1975, с. 568.

словаре начала XIX века, напечатаном в Вене, в типографии Конгрегации Мхитаристов в 1818 г. Там, в статье о Королевиче Марко основоположник новой сербской словесности – Вук записал, среди прочих, и это предание: *“...Сказывают, будто в том бою столько людей полегло, что в крови плавали и кони и люди, и тогда Марко воздел к небу руки и сказал: “Господи, что же мне теперь делать!” Бог смиловался и каким-то чудесным образом перенес юнака и коня его Шараца (пегого) в пещеру, где они живут и по сей день. Марко воткнул свою саблю под скалу или забил ее в каменную россыпь, лег, заснул, и по сей час спит; у Шараца есть немного мха, который он потихоньку ест, а сабля из-под скалы или из камней потихоньку вылезает. И как Шарац весь мох съест, а сабля из-под скалы или из камней выпадет, Марко проснется и снова на белый свет явится”⁴.*

Но, конечно, не с указанной статьи начинается история рассматриваемого вопроса. В арменоведческой литературе образы Мгера Младшего и Королевича Марко были сопоставлены М. Абегином уже в конце XIX века. А в начале XX в. сербским народным эпосом интересовался, сравнивая его с эпосом своего народа, замечательный армянский поэт Ованес Туманян. Больно упоминать, что поводом для этого интереса явились, как и в наши дни, трагические события в Сербии и Армении. Туманяна, однако, они не смогли смутить или лишить мужества. Истинный народный поэт, выросший на традициях, которые хранят опыт давно минувших поколений, абсолютно верно ориентировался и во времени, и в событиях. И когда он обращался к народной поэзии, то делал это именно ради ориентации читателей, показывая, кто есть кто и чьи дела каковы. Для него эпические и мифические герои были не только символами и образами из волшебных сказок и песен, но и ощутимой реальностью, живыми людьми, каждый из которых определяет дух и нрав своего народа и таким образом даже управляет его поступками.

Уже в начале Первой мировой войны, непосредственно после Церской битвы – первой победы союзников в этой войне, когда засверкало сербское оружие, 3 сентября 1914 г. Туманян в статье “Национальные войны и их герои” именно об этом и пишет: “И потому что сила и дух каждого народа воплощены в его нацио-

⁴ Српски рјечник, истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Скупио га и на свијет издао Вук. Стеф. Караџић. У Бечу, у штампарији јерменскога намастира, 1852, с. 346.

нальном эпосе, мы смело можем сказать, что народные богатыри – серб Марко, немец Зигфрид, француз Роланд, англичанин Беовульф и русский Илья Муромец встали перед нами, выйдя из мира легенд, и теперь мы – свидетели боя этих богатырей⁵.

Герои национальных эпосов воюющих народов спустя века вновь встретились на поле брани, и поэт находит их где-то возле Савы и Дрины, там, где потоки крови самые большие, и узнает он их по оружию, одежде, фигуре, по их богатырским отличиям. Поэт говорит: “А вот и бунтарь Королевич Марко, сербский богатырь, на своем Шараце. Круша противника направо и налево, он врзался во вражеское войско, во много раз превышающее сербское, он весь в крови и взывает: “Что мне делать, Господи!”

Для Туманяна Марко – особый герой, самый любимый. Он „сербский Давид Сасунский“, “величайший голос сербского эпоса и олицетворение заветных национальных чувств и доблести сербского народа“... В течение 1916 г. поэт переводит на армянский язык три песни из цикла о Королевиче Марко и пишет статью о сербском эпосе, которые публикует в газете “Горизонт“.

В научной работе, посвященной занятиям Туманяна сербским эпосом, литературовед Магда Джанполадян подчеркивает, что поэт не случайно сравнивал Королевича Марко с Давидом Сасунским, а в силу “духовного и исторического сходства двух народов“. При этом она сделала значительный шаг к настоящему сравнительному анализу двух эпосов и исследованию тех сюжетов и мотивов, которые являются общим сербским и армянским наследием глубокой древности, из каких-то дальних праисторических слоев. И хотя Туманян сравнивал Марко с Давидом Сасунским, Магда Джанполадян добавляет, что сербский богатырь своей трагической судьбой не мог не напомнить ему другого героя армянского эпоса – сына Давида Мгера Младшего, тоже несущего на себе тяжесть отцовского проклятия, обреченного на одиночество...⁶.

Еще один шаг к встрече Королевича Марко и Мгера Младшего, чтобы они и лично познакомились, сделал сербский филолог Александар Лома. Два черных ворона привели его: один к – Марковой пещере, а другой – к утесу Аграви-Кар, где спящий герой Мгер Младший все еще ждет своего часа.

В своем труде “Два

⁵ Часопис КЊИЖЕВНОСТ, Бр. 9-10, Београд, 1998, с. 1843: Магда Цанполадијан, Ованес Тумањан и српски еп. Превео с руског Радован Томашевић. Сви цитати Тумањана наведени су према овом раду.

⁶ Магда Цанполадијан, наведени рад, с. 1843.

черных ворона⁷ профессор Лома рассмотрел один из вариантов о смерти Королевича Марко, записанный Вуком⁸, отметив при этом, что главный сербский мифический и эпический герой, однако, в первую очередь – *спящий герой*. Далее он указывает на аналогии с немецкими сказаниями о Фридрихе Барбаросе, спящем в Кифхойзерской горе, и о Карле Великом, уснувшем в горе Унтерсберг. На эти аналогии указывал еще ученый Веселин Чайканович, основоположник сравнительного исследования сербской мифологии и фольклора. Но профессор Лома отмечает, что эти параллели сравнительно далекие и что „сербская традиция о уснувшем Марко имеет гораздо более близкую и до сих пор никем не замеченную параллель в армянском эпосе “Неистовые сасунцы”⁹. И несмотря на то, что это его отвлекает от главной темы, выдающийся сербский ученый делает пространное отступление и целых пять страниц своего не слишком обширного труда посвящает не только Мгеру и Марко, но вообще мотиву “спящего героя” и его возможному происхождению¹⁰.

Все важнейшие элементы для сравнения Мгера и Марко уже перед нами. Прежде всего Марко, подобно Мгеру, в своей пещере находится вместе с конем, в доспехах и с оружием. Затем, вслед за Магдой Джанполадян, Лома отмечает, что оба героя имели столкновение и ссору с отцами, оба несут на себе родительское проклятье – быть бездетным и бессмертным! Клятва отца Марко, короля Вукашина, несколько более поэтична, но менее определена:

“Без могилы сгинешь и потомства,
Станешь ты скорей слугой османов,
Прежде чем расстанешься с душою”¹¹.

Бессмертие здесь не упоминается, как в армянском эпосе. Но оба проклятия практически сводятся к одному и тому же. Говоря по-сербски, Мгер и Марко отцовскими клятвами обречены стать *очайниками*, которые будут очень долго ждать, чтобы Бог взял их

⁷ Годишњак КОДОВИ СЛОВЕНСКИХ КУЛТУРА, Бр. 8, Београд, 2003, с. 109-132: Александар Лома, „Два врана гаврана“ *Corvus corax* у словенској епизи – компаративни поглед.

⁸ Лома, наведени рад, с. 113. Реч је о песми „Смрт Краљевића Марка“ – Вук. Ст. Караџић, Српске народне пјесме, V, песма 28.

⁹ Лома, наведени рад, с.114: реч је о раду Веселина Чајкановића „О врховном српском богу“. Vide: Веселин Чајкановић, Мит и религија у Срба, Београд, 1973, с. 416 и 515-516.

¹⁰ Лома, наведени рад, с. 113-118.

¹¹ Вук II, 33, стихови 247-249.

душу. Слово этимологически происходит из древнеславянского *чаяти*, “ждать”¹². Бессмертие Мгера и Марко не такое, как бессмертие олимпийских богов, а являет собой что-то среднее между ним и человеческой смертью: бессмертие на какой-то не совсем точно определенный срок. Поэтому формула проклятия короля Вукашина является более точной, более архаичной.

Лома указывает на еще одну параллель: в столкновении отца с сыном приняли участие небесные силы. В армянском варианте Бог велел Габриелу Хрештаку прекратить поединок Мгера с Давидом, и тот сразу их разнял, “точно двух петухов”. В сербском варианте между отцом и сыном встал невидимый ангел, которого в пылу ссоры высек взбешенный король Вукашин. Сербский вариант является более архаичным, ибо если меч-молния Мгера пролетает сквозь ангелов божьих, не нанося им вреда, то сербские ангелы, словно мифические существа языческих времен, легко погибают от человеческих рук¹³.

Но вот перед нами и третья параллель, на которую указывает профессор Лома: пока Мгера и Марко едут верхом к указанным им местам, ноги их коней увязают в земле.

“Считаю, что между тремя вариантами сказаний о “спящем герое” – немецким, армянским и сербским – существует, должно быть, генетическая связь, а не только типологическое сходство, – заключает профессор Лома. – Можно, как и в других подобных случаях, сослаться на общее праиндоевропейское наследие, или, может быть и прежде того, на результат каких-то позднейших взаимных влияний, крайнюю исходную точку которых непременно надо искать где-то на иранском пространстве”.

При таких ярких соответствиях сербской и армянской легенд исследователь готов допустить даже сравнительно позднее влияние армян, которых Византия поселила в областях Македонии и Болгарии, но, на наш взгляд, это маловероятно. Он и сам не уверен и в качестве контраргумента указывает, что в русских былинах о Святогоре также существует тот же мотив увязания в земле, что говорило бы в пользу давнего укоренения этого мотива в славянском фольклоре. Между тем похоже, что в случае со Святогором речь идет не о тождественном мотиве, что попытаемся обосновать позже, когда речь пойдет о функции этого мотива в

¹² **Веселин Чајкановић**, *Мит и религија у Срба*, с. 132.

¹³ *Вук II*, 33, с. 240-243.

сюжете. Что касается „крайней исходной точки“, которую надо искать на иранском пространстве, то профессор Лома приводит достаточно убедительные доводы, опираясь на С. Арутюняна¹⁴ и Дж. Бойла¹⁵.

Само имя Мгера, как и образ его, подчеркивает автор, происходит от персидского Митре, которого армяне заимствовали вместе с другими элементами иранской мифологии. У армян Михр – позднейший Мгер – был в дохристианское время божеством небесного света и солнца. Ему были посвящены храмы. Даже утес Аграви-Кар содержит элементы митраистической иконографии. Все это убедительно в армянском случае, но наш герой, Марко, все-таки остается без объяснения. Откуда он взялся со всеми этими своими митраистическими признаками в сербском эпосе? Лома указывает не на бывшую когда-то славянско-иранской контактной зоной древнюю Скифию, а на сегодняшнюю южную Россию и Украину, где “надо искать родные места” этих сюжетов и мотивов.

Мы готовы согласиться, что из этой зоны – северного, степного иранства – происходит, вероятно, наш Марко, так как Мгер к армянам пришел, несомненно, прямо из Персии. Мы попытаемся здесь внести свой собственный скромный вклад в поддержку этой версии. Впрочем, и в этом мы обязаны тому же ученому. Своим другим, более обширным трудом, книгой “Пракосово”¹⁶ он открывает путь широким исследованиям в этом направлении.

Лома очень убедительно доказывает, что самый старый пласт, или скажем, цикл сербского национального эпоса – Косовский эпос, называемый также Косовским сказанием или Видовданской легендой, – существовал задолго до трагического исторического события, с которым его связывает традиция битвы 1389 года, в день святого Вида, на Косовом поле.

В этом сербском Аварайре, как его назвал Туманян, турки так сокрушили сербскую силу, что “выздоровление” продолжалось веками, а последствия трагически отзываются и в наши дни в судьбе самого Косова. Поэтому нет ничего удивительного в том, что сербы свой ранее существовавший эсхатологический миф и свой прежний эпос о роковых последних временах облекли в

¹⁴ Арутюнян С. Б., *Михр (Мифы народов мира, т. II, М., 1982, с. 160)*.

¹⁵ Boyle J. A.: *Raven's Rock: A Mithriac Spelaeum in Armenien Folklor? Acta iranica 17, Leiden, Teheran, Liege, 1978, str. 99-110.*

¹⁶ Александар Лома, *Пракосово. Словенски и индоевропски корени српске епике, Београд, 2002.*

“одежду” нового исторического события, уподоблявшегося настоящему национальному катаклизму – да и на самом деле являвшегося таковым.

Далее профессор Лома замечает в сербском Косовском сказании многочисленные и легко заметные аналогии и параллели в отношении как отдельных сюжетов, так и образов эпических героев и мифических существ и явлений. Находит он их, главным образом, в древнем индоевропейском мифопоэтическом наследии – индийском, иранском, германском... В этой новой интерпретации, кажется, Косовский эпос становится более ясным, более красивым, художественно богатым и внушительным... Из национальной трагедии он перерастает в настоящую космическую драму.

Так Королевич Марко в Видовданском мифе становится одним из центральных фигур, одним из главных героев, хотя он и не принимает участия в Косовской битве.

Почему исторический Марко, король южных сербских земель на территории нынешней Республики Македонии не участвовал в этом роковом столкновении двух различных миров, двух несовместимых культур, легко объяснимо. В предшествующем великом сражении сербов с турками – в долине реки Марицы в 1371 году – погиб отец Марко, король Вукашин. А молодой король, вступая на престол, был вынужден стать вассалом султана. Обязанности, которые он взял на себя, позволяли ему участвовать в бою на Косовом поле только в турецких рядах. Неясно, как он сумел этого избежать: благодаря великодушию султана или какой-то своей хитрости. Известно только, что вскоре он погиб в Валахии, в бою против своих, христиан. Летописец записал, что накануне битвы Марко сказал другу своему, тоже сербскому витязю, что от всего сердца желает победы христианам, пусть даже он сам первый там погибнет. Так и получилось – и одно, и другое.

Но почему легендарный мифический Марко, главный герой эпоса, не участвовал в роковом сражении, рискуя быть обвиненным в предательстве, объяснить трудно. Однако с концепцией “Пракосово” дело обстоит иначе. Тут Косовское сказание является далеким эхом первобытного мифа о конце Золотого века, так что сюжет отчасти становится иным.

В нем сербы-витязи предстают народом, обласканным Богом, воинственным, благородным, нравственным, счастливым. Они были наделены высокими достоинствами, одарены всяческой благодатью.

Но со временем они изменились. Стали слишком надменны, спесивы... Даже Богу не покорялись. Тогда Бог предоставил им выбор: либо **царство земное**, то есть, за жизнь на земле, в порядке и покорности, по законам, которые соблюдают все люди, все сословия и все народы, либо **царство небесное**, точнее, богатырскую смерть в бою, на поле брани, и вечную славу на небе, в Городе вилы (феи) – “ни на небе, ни на тверди, а на кромке сизой тучи”¹⁷. Вилыград – это сербский вариант старой германской Валгаллы, древнего индийского Амаравати – города бессмертных. Тогда и роль, и судьба Королевича Марко становятся вполне понятными. Бог отлучил его от других героев и поручил ему особую миссию – оставаться на земле и ждать обновления мира, то есть возвращения Золотого века.

И значит, Марко не был предателем. Он настойчиво пытался добраться до Косова, но бог ему не позволил. Предание говорит, что Марко откликнулся на зов главы сербского народа – князя Лазаря, и из своей столицы пошел на Косово самым прямым путем. Но вскоре Шарац стал копытами увязать в земле. Вначале до щиколоток, потом по колено, наконец до стремян. Шарац первый догадался, что происходит, и предложил хозяину идти другим путем. Марко послушался, но все повторилось снова. Все дороги к Косову Марко испробовал и наконец понял: “И я хочу, и конь хочет, но Бог не дает!”¹⁸.

Мифические и эпические параллели имеют дивную особенность взаимопроникать и дополнять друг друга, озарять одна другую новым светом. Так сказание о Марко разъясняет и случай Мгера. Увязает его конь Джалали в земле не потому, что она „ослабела, осела“ и не могла их носить, а потому, что это был магический способ добраться им до Вороньей скалы, ибо Мгер, видимо, не знал, где она находится. Это подтверждается неожиданностью, с которой Мгер очутился возле утеса:

*“Пришел он к подножью горы,
И вдруг перед ним
Встал утес“.*

Однако Мгер еще не уверен, что именно здесь его будущее местопребывание. И чтобы убедиться, обнажает он меч и говорит:

“Ударю в скалу мечом!

¹⁷ Александр Лома, *Пракосово*, с. 138-146.

¹⁸ Војислав Ђурић, *Антологија народних приповедака*, Београд, 1990, с. 391: „Зашто Краљевић Марко није био на Косову“.

*Расколется – на мне нет греха.
Не расколется – грех на мне!*¹⁹.

Правда, магическая формула его имеет более широкий смысл. Прежде всего, он проверяет, определена ли ему судьбой эта миссия. Если произойдет чудо и скала расколется, значит, на нем нет греха! И значит перед ним Вороний утес, к которому направили его родительские голоса.

У Святогорова увязания в земле нет подобной роли. Святогор напоминает великана, дэва, мифическое существо хтоничного характера, в отличие от Мгера и Марка, у которых всегда подчеркнуты солярные атрибуты. Земле просто тяжело носить его²⁰. Правда, подобно Святогору, в земле увязает, испытывая свои силы, и нарт Батраз, герой осетинского эпоса, у которого нельзя отрицать солярный характер и сходство с нашими, однако присоединить их к миссии Мгера и Марко пока не удастся. Но это нас нисколько не удаляет от указанной профессором Ломой славянско-иранской контактной зоны.

Присутствие Королевича Марко в фольклоре этого ареала отметил еще в XIX веке великий русский ученый Всеволод Миллер, иранист, автор знаменитых “Осетинских этюдов”. В связи с кабардинской сказкой „Красавица Елена и богатырь-женщина“ он в 1891 году пишет маленький, но интересный сравнительный очерк о так называемом похищении прекрасной Елены – мотиве очень распространенном в фольклоре народов Евразии, от древнегреческой Елены Троянской до сербской Елены Прилепской, неверной супруги Королевича Марко.

В песне “Марко Королевич и Мина от Кастории” сюжет большей частью совпадает с кабардинским вариантом, а Миллер подчеркивает, что и у Марко жена „случайно также звалась Еленой“²¹. Тут интересна и другая случайность, в частности то, что похищение Марковой Елены было историческим событием. Похоже, что это документальный пример того, как историческая личность, через фольклор, переходит в легенду и миф. Но эта песня еще одной деталью, не упомянутой Миллером, уводит нас в назначенный ареал славянско-иранских контактов.

¹⁹ Давид Сасунский. *Армянский народный эпос*, М., 1939, с. 325-326.

²⁰ Иванов В. В., Топоров В. Н., *Святогор (Мифы народов мира, т. II, М., 1982, с. 421)*.

²¹ *Сказки адыгейских народов*, М., 1978, с. 365-368.

Все варианты о похищении Марковой Елены начинаются одним красивым поэтическим мотивом. Однажды вечером Марко получает один за другим три известия. В первом венгерский король приглашает его на свадьбу в качестве старшего шафера. В другом – из Трансильвании воевода Янко зовет Марко стать крестным отцом его сыновьям. Третье известие – от султана: надо идти воевать на арабской земле. Смущен Марко, просит совета у матери. Она отвечает, что его долг перед султаном – на первом месте. Однако существует и вариант, в котором мать подучает сына, как выполнить все эти задачи.

В осетинском (нартском) эпосе существует почти идентичный мотив. К молодому нарту, сироте, с романтическим прозвищем Одинокий, которого вырастила мать-вдова, прибывают однажды вечером один за другим три гонца. Первый, выборный от нартской общины, сообщает ему, что завтра его очередь пасти скот нартов. Другой гонец приносит ему известие, что у побратимов его отца завтра будет семейный раздел, а, по обычаю, разделить их – его обязанность. Уходит этот, но является третий и говорит парню: “Плохую весть я принес тебе. Завтра рано утром убийца твоего отца собирается увезти девицу, просватанную за тебя. Торопись, не то убийца твоего отца ускользнет от тебя, да и невесту свою прозвезаешь!”.

Вернулся молодой нарт домой, сел на скамью и заплакал.

Прекрасный сценарий для обряда посвящения молодого рыцаря. Ободряет его мать-вдова, говорит, что погода с утра не на весь день устанавливается. Надо ему быть прилежным, встать пораньше, и Бог даст, все получится: и скот погнать на выпас, и побратимов разделить, и за смерть отца отомстить, и невесту защитить. А она у него есть, давно просватана. У отца нарта был неразлучный друг, и случилось, что жены их одновременно ожидали детей. И они дали клятву друг другу, если у обоих родятся сыновья – пусть будут братьями, если девочки – сестрами, если же у одного сын, а у другого дочь – они их поженят²².

Не излишне указать на то, что и главные мотивы очень сходны: освобождение похищенной супруги – в одном случае, и предупреждение похищения – в другом. А армянский читатель

²² Сказания о нартах. Осетинский эпос, М., 1978, с. 454-455: „Нарт Одинокий“.

заметит еще одну параллель – что и Гоар-хатун, дочь царя Пачика, равным образом просватана за Мгера Младшего²³.

И так, той дорогой, которой нарт Одинокый привез домой невесту, и мы приходим на свадебный пир, где богатыри пьют вино – белое, черное и гранатовое, где пьют ронг, мед и пиво, где горы трясутся от нартского симда и черногорского хоровода, где раздаются звуки саза армянских гусанов, звуки ирон фандыра и сербских гуслей, жалобной Сырдоновой харфы, чарующей свирели Ацамаза и сербской фрулы. Где на разных языках поются одни и те же песни, где гремит слава героев, различных только по именам...

Иначе говоря, к востоку и западу от Черного моря – на Кавказе, с его предгорьями и Закавказьем, с одной стороны, и славянской частью Балкан – с другой – нам открывается один обширный ареал, богатый культурными традициями, где наследие глубокой древности, опыт далеких предков так причудливо отразились в мифологии, фольклоре, эпосе. Какое обилие сюжетов, мотивов, образов, порой очень сходных!

Конечно, это тема для более обширного исследования. Не вдаваясь в детали, остановимся на одном из похожих сюжетов – о Марке и Мгере, чтобы довести до конца рассказ о них. Но надо присоединить к ним и нарта Батраза, который на них очень похож, а когда-то, может быть, был и тождествен.

Батраз – раньше Бакатар-аз, Богатырь-ясин (осетин)²⁴, – как говорит само имя – главный герой осетинского нартского эпоса. Он во многом подобен сасунским героям, особенно Давиду. Пока был ребенком, он рос не по дням, а по часам, как Давид. Правда, так росли все нарты и все сасунцы, пока не становились великанами, с силой как у дэвов, но по-человечески умными, искусными и ловкими. Таковы и герои Видовданской легенды, хотя и нет прямых упоминаний о том, что они так быстро выросли. Но и в Косово славили доблесть трехлетнего юноши²⁵. Заметны и почти одинаковые детские шалости Давида и Батраза²⁶. Прежде чем Бог предоставил им роковой выбор – вечную жизнь на земле

²³ Давид Сасунский, с. 315.

²⁴ Сказания о нартах, с. 34: **Абаев В. И.**, *Нартовский эпос осетин (предисловие)*.

²⁵ Сказания о нартах, с. 395-410: „Саууай“ – Владимир Бован, *Српска народна књижевност Косова, Приштина, 1985*, с. 75.

²⁶ Сказания о нартах, с. 303-307: „Игры маленького Батраза“ – Давид Сасунский, с. 170-171: „Детские шалости Давида в Сасуне“.

или смерть и вечную славу на небе, – царство земное или царство небесное, – у нартов состоялся общий нихас – собрание, беседа. Совет держали о судьбе нартского народа. И пришли к выводу, что нарты не могут более считать себя истинным народом. Когда-то они были настоящие – когда умели умирать за свой народ, когда умели сдерживать свои страсти, когда из их уст исходила одна лишь правда... Но все-таки выбрали они тогда самого лучшего нарта, и это был Батраз. Он и Марко действительно похожи друг на друга. А на вопрос, как доблести научились, они оба дали почти идентичный ответ²⁷.

Подобно Мгеру, Батраз был богоборцем. И хотя был бессмертен, предание гласит, что он все же умер. Булатное тело его накалилось на солнце, а Бог перекрыл все воды, и Батразу нечем было охладиться. Это как бы указывало на то, что он не является спящим героем, хотя и его конь увязал в земле²⁸. Согласно одной версии, душа его успокоилась, лишь когда бросили в Черное море его меч, – точно так, как Марко бросил в море свою знаменитую булаву. А тело его упокоилось в склепе Сафы, лишь когда Бог о нем заплакал. Однако из сего мира он не совсем исчез. Когда на западе сверкают молнии, осетины говорят, что это блеск Батразова меча, который „вскидывается из моря на небо для истребления нечистых сил и чертей“²⁹.

В это время Мгер и Марко дремлют в своих пещерах. Марков срок не вполне ясен, в то время как срок Мгера точно определен. Однажды, в ночь на Вознесенье, когда раздвинулась скала Аграви-Кар, одному пастуху довелось там быть. И спросил пастух: „Когда отсюда выйдешь, Мгер?“ „Пока будет лжива земля и этот мир полон зла, не выйду“, – ответил сасунский богатырь. Но, когда

²⁷ Сказания о нартах, с. 353-360: „Собрание нартов, или кто из нартов самый лучший“ – Војислав Ђурић, Антологија, с. 392: „Како се Краљевић Марко јунаштву научио“.

²⁸ Сказания о нартах, с. 172: „Смерт Батразда“.

²⁹ Сказания о нартах, с. 371-374: „Смерт Батраза“ – Ж. Дюмезиль, Осетинский эпос и мифология, М., 1976, с. 58. – Ср. Стојковић Ј., Краљевић Марко. Збирка 220 песама и 90 приповедака народних, прикупљених из свих крајева српских и осталих југословенских земаља, Нови Сад, 1922, с. 443: „Посестрима Маркова, вила Загоркиња казала је једно јутро Марку, да се доста најживео, триста шесет и пет лета, и да ће умрети у року од три дана. Тада је Марко отишао у једну велику пећину па одатле бацио топуз у море, рекавши: „Кад овај топуз из мора изишао, тада Турци преко мора прешли“. За овим је положио Шарцу велико бреме сена, говорећи: „Кад ово сено Шарац појео, тада се ја пробудио.“ Најпосле је забо сабљу у камен до балчака и рекао: „Кад се ова сабља из камена извадила, тада се Србима царство повратило“. После овога Марко је ту у пећини легао и заспао. Кажу да се топуз већ види из мора, да је Шарцу још мало сена остало и да се сабља више од пола извадила из камена“. (Предање из Варварина. Записао Станоје Мијатовић).

разрушится мир и вновь воздвигнется, когда зерно пшеницы будет как лесной орех, тогда наступит его день!³⁰.

Это зерно кажется нам ключом к разгадке.

Жил-был один царь, который очень любил диковины, говорится в одной сербской сказке. И разослал он своих людей собирать их. Принесли они ему много чудных вещей, в том числе и одно пшеничное зерно величиной с грушу. Расспрашивал царь всех, но никто не знал, откуда оно. И никто не помнил тех времен, когда росли такие зерна. Снова царь разослал своих людей, чтобы осведомились об этом зерне. Долго они странствовали, но все напрасно. Наконец, нашли какого-то седобородого старца, триста лет ему было. Тот, как взял в руки зерно, – заплакал.

“Ой, ой, дети мои! – сказал. – Давно это было, когда приносила плоды такая пшеница! Давно, пока еще правда царствовала на земле!”.

В те давние времена не существовало судебных следствий, как сейчас, не было свидетелей, но были вериги правды, которые свисали с небес. И если между людьми имел место какой-то спор, они приходили туда и давали клятву. Кто говорил правду, тот мог схватиться за вериги – и этим его правда подтверждалась. А лгуну не удавалось достичь вериг, они от него ускользали. И таким образом утверждалась правда и кривда.

Но случился однажды злой обман. Жили два кума, и один из них нуждался в деньгах. А другой от чистого сердца дал ему займы сто дукатов. Проходило время, а кум куму долг не возвращал и даже не упоминал о нем. Честный кум долго молчал, а когда спросил, тот удивился: “Как же не вернуть? Вернул!”. Вернул – не вернул... Пошли они к веригам правды. Стал кум-заимодавец перед святыней, сказал свою правду, поклялся и достал руками вериги. Другой кум возмутился. Потом дал первому свою палку – подержать, подошел и сказал свою ложь: как вернул золотые червонцы куму. Да они, мол, и сейчас у него! Поклялся и тоже схватился руками за вериги. Народ ахнул: как это может быть?!

А вес обман был в полой палке коварного кума. Там он спрятал деньги, которые в момент клятвы формально находились в руках хозяина. Потом лжец взял свою палку и ушел, а вериги правды

³⁰ Давид Сасунский, с. 327-328.

вознеслись в небо и совсем исчезли. С тех самых пор их на земле нет. А с ними исчезла с земли и правда, и все измельчало: растения, животные, люди, – да и самая благодать божья оскудела. И так будет до Страшного суда³¹, то есть до нового Золотого века.

В сербском народном и церковном календаре есть День честных вериг святого Саввы. А у осетин сохранился обычай – при произнесении клятвы хвататься за надочажную цепь и призывать святого Савву, Сафу – старое нартовское божество домашнего очага и вериг. У нартов, легендарных предков осетин, существовал и *Холм правосудия*, где богатыри правду утверждали поединками. Когда-то давно, может быть, именно на этом холме стояли вериги правды. Не исключено, что по сей день под ним находится и склеп Сафы, то есть могила Батраза, словно еще одна пещера, в которой спит герой, чающий новый век.

ՔՆԱԾ ՀԵՐՈՍՆԵՐ ՄՀԵՐԸ ԵՎ ՄԱՐԿՈՆ

(հայ-սերբական էպիկական գուգահեռ)

ՌԱԴՈՎԱՆ ՏՈՄԱՇԵՎԻՉ

(Սերբիայի Հանրապետություն, Բելգրադ)

Ամփոփում

Սերբական բանահյուսության մեջ, մասնավորապես էպոսում, կան բազմաթիվ ընդհանրություններ Կովկասի և Անդրկովկասի ժողովուրդների, այդ թվում՝ հայերի և իրանական ժողովուրդների մշակութային ժառանգության հետ: Ընդհանուր են ոչ միայն նրանց մոտիվներն ու սյուժեները, այլև վիպերգական հերոսները: Այսպես, սերբական հինավուրց կոսովական էպոսի կամ էպիկական շարքի հերոսները և մոտիվները շատ նման են կովկասյան ժողովուրդների էպոսի հերոսներին և հայկական էպոսի Մասնա քաջերին: Սերբական հերոս Մարկո Կարոլիճի և հայկական Փոքր Մհերի համադրությունը ցույց է տալիս, որ նրանց միջև գոյություն ունի ոչ միայն տիպական նմանություն, այլև՝ անմիջական ժառանգական կապ: Երբ այս աշխարհը դարձավ կեղծ և անարդար, նրանք հեռացան այնտեղից, բայց և այնպես չմեռան, քանի որ անմահ են: Եվ առ այսօր նիրհում են իրենց ժայռերի մեջ և սպասում ճշմարտության ու արդարության աշխարհի վերափոխմանը: Այդ մոտիվը շատ հին է. գոյություն ունեն հնդեվրոպական մակարդակում, որի մասին վկայում են հնագույն գուգահեռները՝ Ֆրիդրիխ Բարբարոսայի և Կիֆոյզերյան լեռան մեջ քնածի, նաև Ունտերպերգ լեռան մեջ ննջող Կարլոս Մեծի մասին ավանդագրույցները: Բայց Մհերի ու Մարկոյի մասին հայ-սերբական գուգահեռը առավել սերտ է: Նրանց մասին ասքերը լրացնում են մեկը մյուսին՝ բացահայտելով «Ոսկեդարի» ավարտի վերաբերյալ նախապատմական առասպելի հսկայական իմաստը:

³¹ Војислав Ђурић, *Антологија*, с. 365-371: „Како је нестало правде на земљи“.